

О БИОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В. И. Козлов

Развитие марксистской исторической науки неизменно сопровождается острой идеологической борьбой против идеалистических и вульгарно-материалистических концепций. К числу последних относится географический детерминизм, утверждающий, что состояние и развитие всего общества или отдельных социальных, социально-политических (государственных) и других групп и институтов определяется главным образом географической средой или ее отдельными элементами, такими, как климат, ландшафт, географическое положение и т. п. Географический детерминизм оформился как особое учение в период становления буржуазного общества и поначалу играл положительную роль в борьбе против феодальной идеологии, поскольку его представители, проповедовавшие географо-материалистический подход к изучению общественного развития, выступали против идеалистических представлений о «божественной» сущности этого развития.

Однако уже в то время стала обнаруживаться методологическая несостоятельность этого учения. В основе его, как известно, лежал метафизический метод, стремящийся найти главную причину движения и развития изучаемых общественных явлений вне этих явлений. Между тем внешние причины, то есть связи и взаимодействия каких-либо вещей или явлений с другими, являются причинами второго порядка, а не первого. Географическая среда представляет собой важное и неперемное условие жизни общества, но ею нельзя объяснить качественное разнообразие общественных явлений и их движение, то есть переход из одного качественного состояния в другое. После открытия К. Марксом и Ф. Энгельсом общих законов исторического развития, реализующихся в деятельности людей, положительное значение географического детерминизма полностью сходит на нет, а сам он используется главным образом для обоснования геополитических и других реакционных концепций и учений¹.

В конце XVIII — начале XIX в. стали оформляться различные биологические концепции общественных отношений и исторического развития. Центральное место среди них занимали так называемые антропологические концепции, рассматривавшие человека лишь как часть природы и игнорировавшие роль общественно-исторической практики в формировании сознания человека. Возникшая на основе таких концепций «антропологическая школа» пыталась доказать непосредственное влияние биологических и антропологических особенностей людей на ход общественных процессов; крайние представители этой школы (Ж.-А. Го-

¹ См. по этому вопросу, например: Г. Гейден. Критика немецкой геополитики. М. 1960.

бино, Ваше де Лапуж и др.) создали реакционное учение о «естественном» неравенстве рас, широко используемое расистами. Близкой к биологическим концепциям была предложенная Г. Спенсером так называемая органическая теория общества, в которой общественная жизнь анализировалась и истолковывалась в чисто биологических терминах и понятиях (трудящиеся образуют якобы «руки» общества, правящие классы — его «голову» и т. п.). Показательно, что один из идейных предшественников фашизма, реакционный социолог Л. Гумплович, видел главную заслугу Спенсера в утверждении, будто бы «в основе социологии лежат законы биологии». Наконец, представители социального дарвинизма механически перенесли открытые Ч. Дарвином законы внутривидовой борьбы за существование на общественные взаимоотношения людей (в частности, национальные отношения, классовую борьбу и т. д.).

В конце XIX в. оформляются биолого-психологические концепции (фрейдизм, бихевиоризм и др.), пытающиеся объяснить поведение людей и общественные отношения биологически обусловленными особенностями их психики (главным образом — сферой подсознания), сводящие личное и общественное сознание к закрепленным условным рефлексам и т. д. Следует отметить, что эти психологические, как и некоторые биологические, концепции (например, социал-дарвинизм) в отличие от географического детерминизма развивались уже после становления исторического материализма, в значительной степени как реакция на него со стороны буржуазной науки и поэтому с самого начала обнаружили свою враждебность к нему; их основной вывод, сводившийся к тому, что социальное неравенство является якобы «естественным» следствием биологического (расового) или психобиологического неравенства, широко использовался наиболее реакционными партиями, в том числе и нацистами. Бурное развитие в XX в. естественных наук само по себе не изменило идеологическую ситуацию. Позиции диалектического и исторического материализма укрепились, однако сторонники географического, биологического и психологического объяснений особенностей общественного развития, истории отдельных стран и народов, объяснений, широко распространенных до сих пор в буржуазной литературе, пытаются использовать некоторые выводы естественных наук, спекулируют на их достижениях и еще не решенных проблемах.

Обращение к естественным наукам в целях историко-социологических построений полно опасностей и для тех наших ученых, которые недостаточно глубоко усвоили исторический материализм и слабо ориентируются во все увеличивающемся сложном историческом материале.

Данная статья посвящена критическому анализу биолого-географической концепции этнической истории, развернутой доктором исторических наук Л. Н. Гумилевым в статьях, опубликованных в 1965—1973 гг. в изданиях естественнонаучного профиля². Это обстоятельство, видимо, и является причиной того, что его концепция ускользала до сих пор от внимания большинства историков и философов и избежала их критики.

² Л. Н. Гумилев. По поводу предмета исторической географии (ландшафт и этнос). «Вестник» Ленинградского государственного университета им. А. Жданова («Вестник» ЛГУ), 1965, № 18; его же. О термине «этнос». Этнос как явление. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. Л. 1967; его же. Этнос и ландшафт. «Известия» Всесоюзного географического общества, 1968, № 3; его же. Этногенез и этносфера. «Природа», 1970, №№ 1, 2; его же. Этногенез в аспекте географии. «Вестник» ЛГУ, 1970, № 12; его же. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии. «Вестник» ЛГУ, 1970, № 24; его же. Этногенез — природный процесс. «Природа», 1971, № 2; его же. Этнос — состояние или процесс? «Вестник» ЛГУ, 1971, № 12; его же. Сущность этнической целостности. «Вестник» ЛГУ, 1971, № 24; его же. Этнология и историческая география. «Вестник» ЛГУ, 1972, № 18; его же. Внутренняя закономерность этногенеза. «Вестник» ЛГУ, 1973, № 6.

Игнорируя работы советских ученых в области этнической истории и теории этноса³, Л. Н. Гумилев пишет: «История как наука — прибор нечуткий», она «не в состоянии ответить на вопрос: почему афинянину был ближе его враг спартаец, чем мирно торгующий с ним финикиец?» и т. п. «Кажется странным,— снисходительно замечает он,— что этнографы, историки и даже просто наблюдатели явления этноса, ни минуты не сомневаясь в его реальности, не смогли дать удовлетворительного объяснения понятию «этнос», как таковому... Не будем упрекать наших предшественников. В их руках еще не было методики, необходимой для решения проблем такого рода»⁴.

Такой «новозобретенной» Л. Н. Гумилевым методикой оказывается биолого-географический подход к этносу и явлениям этнической истории. Необходимость подобной методики не столько доказывается, сколько декларируется. *«Ни одна из гуманитарных наук не дает ответа на существо проблемы этнологии и этногенеза и даже не позволяет создать терминологию, которая была бы точна и общепонятна. Поэтому попробуем обратиться к естественным наукам, географии и примыкающим к ней разделам биологии. Мы уже говорили, что целесообразно рассматривать человечество как вид *Homo sapiens*. Но тогда все закономерности развития любого вида млекопитающих применимы к людям, за исключением специфических особенностей, что в нашем аспекте не существенно». «Этнические явления лежат в сфере природы, и поэтому осмысление их возможно лишь путем применения той самой методики, которая дала такие блестящие результаты в физической географии, зоологии и учении о наследственности»⁵. *Уже эти исходные положения неверны, ибо даже если рассматривать человечество (социальную категорию) как биологический вид *Homo sapiens*, то и тогда более чем спорно применять к нему все закономерности развития любого вида млекопитающих.

Утверждая «правомерность» биогеографического подхода к этносу, Л. Н. Гумилев постоянно подчеркивает, что этнос — это «явление природы», что он относится к «биогеографическим, а не к историко-социальным явлениям... Вне всякого сомнения, социальное развитие накладывает свой отпечаток на все другие формы движения материи, поскольку они связаны с людьми. Однако никогда и никто не пытался истолковать в социальном аспекте гравитацию или электропроводимость, эпидемии или половое влечение, смерть или наследственность, ибо это область естествознания»⁶. Когда проф. М. И. Артамонов выступил в защиту социальной природы этноса, то сразу же получил со стороны Л. Н. Гумилева отповедь. «Организм человека, — заявил Л. Н. Гумилев, — входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза (изменении всего органического мира Земли.— В. К.). М. И. Артамонов не может доказать, что профессор дышит иначе, чем бушмен, или размножается неполным путем, или нечувствителен к воздействию на кожу серной кислоты»⁷.

Сам Л. Н. Гумилев не захотел или не смог дать сколько-нибудь четкого, развернутого определения этноса и ограничился лишь приближенными характеристиками. В одной его работе сообщается, что этнос яв-

³ См. С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). «Вопросы философии», 1964, № 11; В. И. Козлов. О понятии этнической общности. «Советская этнография», 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. «Советская этнография», 1967, № 4, и др. работы. См. также дискуссию об определении нации в журнале «Вопросы истории», 1966—1968 годы.

⁴ Л. Н. Гумилев. Этнология и историческая география, стр. 74; его же. Сущность этнической целостности, стр. 97, 98.

⁵ Л. Н. Гумилев. О термине «этнос», стр. 13—14, 15.

⁶ Л. Н. Гумилев. Этногенез в аспекте географии, стр. 87.

⁷ Л. Н. Гумилев. Этнос — состояние или процесс?, стр. 86.

ляется «биологической единицей, таксонимически стоящей ниже вида (*Homo sapiens*. — В. К.) как *populatio*, а само этническое деление человечества... одним из способов адаптации к ландшафтам не столько в структуре, сколько в поведении»⁸; в другой — что этнос — это не состояние, а процесс и является «большой замкнутой системой с динамическим стереотипом поведения и оригинальной внутренней структурой, меняющейся в зависимости от прохождения фаз этногенеза»⁹, и т. п.

Л. Н. Гумилев не отрицает существования таких уже установившихся в исторической и этнографической литературе типов этносов, как племена, народности и нации; он пишет и о «социалистических нациях», но при изложении этнической истории пользуется этими терминами редко. Для своих рассуждений он вводит новые понятия: «суперэтнос», таксонимически стоящий выше этноса, и «субэтнос», стоящий ниже его. Примером суперэтноса XIII в. Л. Н. Гумилев считает «мусульман (араб, перс, туркмен, бербер)» и «франков (как называли всех католиков Западной Европы)». Такие термины, как «эллинистическая культура», «мусульманский мир», «европейская цивилизация» или «кочевая евразийская культура», пишет он в другом месте, — «не просто слова, а этнические целостности на один порядок выше тех, которые доступны этнографам-наблюдателям». Субэтносы подразделяются им на «консорции (группа людей, объединенных одной исторической судьбой) и конвиксии (группа людей, объединенных однохарактерным бытом и семейными связями)»; к числу первых относятся «нестойкие объединения разного рода: кружки, артели, секты, банды и т. п.», консорциями средневекового французского этноса считаются феодалы, рыцари, нотабли, высшее духовенство, ученые и др.; в качестве примера конвиксий — более стойких объединений — приводятся лишь русские старообрядцы¹⁰. Будучи сопряжены с понятием этноса, суперэтносы и субэтносы вместе с ним попадают в разряд биогеографических явлений.

Краеугольным камнем концепции Л. Н. Гумилева является идея о «пассионарности» как основной движущей силе процесса этногенеза и всей этнической истории. «Будучи явлением природы, — пишет он, — этнос... восходит к biosфере в понимании В. И. Вернадского, т. е. к флуктуации «энергии живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии...» (рассеивание тепловой энергии во Вселенной. — В. К.). Эта энергия, преломляясь через особенности нервной деятельности подсознания, меняет вектор метаболизма (обмена веществ. — В. К.) и создает психический эффект, названный нами пассионарностью. Вспышки пассионарности... создают изменения в популяциях и ведут к образованию специфических коллективов, которые мы называем этносами». «Пассионарность определяется как «органическая способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы»; подчеркивается, что «пассионарность нельзя рассматривать как социально-экономическое явление, ибо это противоречило бы закону сохранения энергии. Значит, она биологический признак, возникающий, как все признаки, вследствие мутаций и устраняемый естественным путем». «Так как пассионарность — биологический признак, то значит, что время от времени происходят мутации, настолько слабые, что они не затрагивают анатомии человека, а касаются только его поведения, т. е. нервной и, возможно, гормональной деятельности»¹¹.

⁸ Л. Н. Гумилев. О термине «этнос», стр. 14—15.

⁹ Л. Н. Гумилев. Этнос — состояние или процесс?, стр. 88.

¹⁰ Л. Н. Гумилев. О соотношении природы и общества., стр. 42, 43; его же. Этнос — состояние или процесс?, стр. 89; его же. Внутренняя закономерность этногенеза, стр. 98; его же. О термине «этнос», стр. 13.

¹¹ Л. Н. Гумилев. О соотношении природы и общества., стр. 44; его же. Этногенез и этносфера. «Природа», 1970, № 2, стр. 50; его же. Сущность этнической целостности, стр. 101; его же. Внутренняя закономерность этногенеза, стр. 98.

«Формирование нового этноса,— пишет Л. Н. Гумилев,— всегда начинается одной особенностью: непреодолимым внутренним стремлением небольшого числа людей к крайней активной целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения (этнического или природного), причем достижение этой цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни... Особи, обладающие этим признаком, совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и дают толчок созданию новых этносов». В качестве примеров «пассионариев» приводятся Александр Македонский и основоположник ислама Мухаммед, Ян Гус и Наполеон, красочные эскизы деяний которых занимают в статьях Л. Н. Гумилева видное место¹².

Мутации, лежащие в основе пассионарности и через нее — в основе этногенеза, происходят, по мысли Л. Н. Гумилева, в отдельных, особо благоприятных в ландшафтном отношении районах земного шара. Он пишет: «...Пассионарность не только передается от родителей к детям, но и возникает в определенные эпохи на строго очерченных регионах с размытыми границами». Благоприятные географические (ландшафтные) условия, при которых «только и может» начаться процесс этногенеза, «являются на поверхности земного шара скорее исключением, хотя и встречаются во всех частях света». По карте, составленной Л. Н. Гумилевым, такие районы занимают менее пятой части всей обитаемой суши: в Африке, например, это лишь долина Нила, часть Эфиопии и Западного Судана, в Азии — долина Хуанхэ, Индокитай, часть Монголии и Передней Азии, в Северной Америке — ареал южнее Великих озер, северная приполярная полоса и Южная Мексика с Юкатаном, в Южной Америке — Перуанское нагорье и т. д.¹³.

Процесс этнообразования, развертывающийся вокруг появившихся в результате мутаций особо эмоциональных людей — «пассионариев» — идет, по Л. Н. Гумилеву, стихийно. «В становлении первичного коллектива, зародыша этноса, главную роль играет неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу». Он называет такую тягу «комплиментарностью» и подчеркивает: «Принцип комплиментарности не относится к числу социальных явлений. Он наблюдается у диких животных, а у домашних известен каждому как в позитивной (привязанность собаки или лошади к хозяину), так и в негативной форме». Характеризуя «схему этногенеза», Л. Н. Гумилев пишет: «...Первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя,— это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимость сопротивляться окружению заставляет их объединиться и действовать согласно: так возникает первая консорция, быстро обретающая те или иные социальные формы, подсказанные уровнем общественного развития данной эпохи. Порождаемая пассионарным напряжением активность при благоприятном стечении обстоятельств ставит эту консорцию в наиболее выгодное положение, что способствует увеличению числа ее членов за счет интенсивного размножения. Так создается этнос как система, где соподчиненность особей является условием существования»¹⁴.

Поскольку этнос как «явление природы» полагается не «состоянием», а «процессом» и поскольку в основе этого процесса лежит пассионар-

¹² Л. Н. Гумилев. Этногенез и этносфера. «Природа», 1970, № 2, стр. 46—49, и др.

¹³ Л. Н. Гумилев. Этнология и историческая география, стр. 76; его же. Этногенез и этносфера. «Природа», 1970, № 1, стр. 52.

¹⁴ Л. Н. Гумилев. О соотношении природы и общества., стр. 42, 43; его же. Внутренняя закономерность этногенеза, стр. 95.

ность людей, «биохимические процессы, формирующие их подсознание или сферу эмоций», постольку этническая история Л. Н. Гумилевым биологизируется и сводится к естественному циклу от рождения до смерти. «Этногенез,— пишет он,— инерционный процесс, где первоначальный заряд энергий (имеется в виду «пассионарный взрыв». — В. К.) расходуется вследствие сопротивления среды, что ведет либо к этническому равновесию с ландшафтным и человеческим окружением, т. е. превращению в реликт, либо к распаду этнической целостности, причем особи, ее составлявшие, входят в состав других этносов»¹⁵.

Основные этапы этнической истории определяются Л. Н. Гумилевым двояким образом. В одной статье он выделяет: «1) этносы, входящие в биоценоз, вписывающиеся в ландшафт и ограниченные тем самым в своем размножении; этот способ существования присущ многим видам животных, как бы остановившимся в своем развитии. Лишайники, т. е. симбиоз водоросли с грибом, существуют с кембрия, тараканы и стрекозы — с карбона, крокодилы — с триасового, а муравьи и термиты — с мелового периода. В зоологии эти виды называются персистентами, и нет никаких оснований не применять этот термин к этносам, застывшим на определенной точке развития. И 2) этносы, интенсивно размножающиеся, расселяющиеся за границы своего биоценоза (определенного ландшафта. — В. К.) и изменяющие свой первичный биоценоз. Второе состояние в аспекте физической географии называется сукцессией». Сукцессией (а также «динамичным» или «историческим» состоянием) характеризуется рождение и развитие этносов, персистентностью — их умирание. Л. Н. Гумилевым составлена таблица различных признаков, характеризующих эти состояния; так, по признаку «отношения к потомству» для персистентности якобы типично «стремление ограничить прирост, детоубийство», а для «исторического состояния» — «стремление к беспорядочному размножению»¹⁶.

В другом месте, говоря об этнической истории, Л. Н. Гумилев выделяет в ней «период формирования» и период «утрат» или «упадка» этноса. Этот упадок объясняется главным образом уменьшением пассионарности. Он пишет: «Во-первых, понижение уровня напряжения происходит из-за постоянной гибели активных членов этноса; во-вторых, из-за упрощения этнической конструкции, вследствие чего создается кажущееся повышение активности, как правило, нетворческое. Эта вторичная активность является не следствием пассионарности (способности к сверхнапряжениям), а, наоборот, повышенной импульсивности, отсутствия моральных задержек, что правильнее назвать не признаком, а утратой признака. Особи этого склада не могли бы выжить и дать потомство, если бы в течение предшествовавшего периода не создавались особо благоприятные условия для выживания любого члена этноса. Субпассионарии не могут ни создавать, ни поддерживать достижения культуры и потому становятся жертвами либо соседей, либо самих себя»¹⁷.

Представив этнос как «замкнутую систему», как «популяцию», отграниченную от других географическими и генетическими барьерами, Л. Н. Гумилев приходит к выводу о вреде межэтнических браков (или, как он пишет, «экзогамии»), якобы ведущих к упадку этноса. «Но к чему ведет экзогамия? — заявляет он. — К нарушению этнических традиций, ибо мать учит ребенка одним навыкам (в том числе языку), а отец — другим. Создается смешанный генофонд, в некоторых случаях дающий жизнеспособное потомство, а во многих — неполноценное, могущее поддерживать уровень жизни лишь за счет богатств, накоплен-

¹⁵ Л. Н. Гумилев. Этногенез и этносфера. «Природа», 1970, № 2, стр. 50; его же. Внутренняя закономерность этногенеза, стр. 95.

¹⁶ Л. Н. Гумилев. Этнос как явление, стр. 97; его же. Этногенез в аспекте географии, стр. 91.

¹⁷ Л. Н. Гумилев. О соотношении природы и общества..., стр. 46.

ных предками, и, наконец, размываются межэтнические барьеры, вследствие чего этносы деформируются, а иногда ассимилируются друг с другом. Но самое главное, государство и другие общественные институты, создаваемые экзогамными этносами, недолговечны»¹⁸.

В приведенном высказывании промелькнули некоторые «социальные» моменты, однако следует учесть, что даже процесс передачи этнокультурных традиций новому поколению Л. Н. Гумилевым биологизируется и приравнивается к установленным в животном мире явлениям «сигнальной» наследственности. Для доказательства «вредности» межэтнических смесей Л. Н. Гумилев заимствует из физики понятие «поле». Оказывается, «этнос — это пассионарное поле одного ритма, ибо у другого этноса другой ритм... Первоначальный пассионарный взрыв создает популяцию особей, весьма энергичных и тянущихся друг к другу. «Поле» создает причину для их объединения и дальнейшей солидарности, чаще всего неосознанной. Но даже эта первичная консорция, вступая в соприкосновение со средой, организуется в систему корпускулярного типа, чем противопоставляет себя окружению». «Если этносы — процессы, то при столкновении двух несхожих процессов возникает интерференция, нарушающая ритм обоих компонентов». Особенно болезнен, по Л. Н. Гумилеву, «контакт двух и более суперэтносов», так как в этом случае «интерференция» пассионарных полей различного ритма естественно ведет к катастрофе. «Складывающиеся на уровне суперэтносов объединения, — подчеркивает он, — химерны, а значит, нестойки перед посторонним воздействием и недолговечны. Гибель химерной системы влечет аннигиляцию ее компонентов и вымирание людей, в эту систему вовлеченных»¹⁹.

Такова основная суть концепции Л. Н. Гумилева. Критический анализ этой концепции затруднен глобальностью его рассуждений, перед которыми даже известная историческая концепция А. Тойнби выглядит мелковатой. Кроме того, привлекаемый автором исторический и другой фактический материал соединен во многих случаях алогично, при помощи механически вставленных словечек «итак», «следовательно» и т. п. На опровержении таких алогизмов мы остановимся кратко.

Заметим прежде всего: если Л. Н. Гумилеву и показалось «целесообразным» рассматривать человечество только как биологический вид *Homo sapiens*, то из этого вовсе не следует, что этнические общности людей — племена, народности и нации являются лишь биологическими категориями, особыми популяциями, таксонимически стоящими ниже вида *Homo sapiens*, и что входящие в них социальные группы («артели, кружки и т. п.») аналогичны известным в биологии группировкам — консорциям²⁰. Пользуясь аргументацией Л. Н. Гумилева, можно утверждать, что и общественные классы, например, тоже являются биологическими категориями, так как входящие в них люди (рабочие, крестьяне и т. п.) «размножаются половым путем» и «чувствительны к воздействию на кожу серной кислоты». Л. Н. Гумилев для объяснения историко-социальных явлений пользуется сравнениями и отождествлениями с природными явлениями и терминами, взятыми из естественных и даже из технических наук. Однако сравнение, как известно, не является еще доказательством. Из того, что этнос назван «полем одного ритма», вовсе не следует, что эта терминология соответствует сущности этноса и что этнические контакты ведут к «интерференции», как это происходит, например, со световыми полями. Писать, что объединения «суперэтносов» «химерны,

¹⁸ Л. Н. Гумилев. Этнология и историческая география, стр. 70; его же. О соотношении природы и общества., стр. 47.

¹⁹ Л. Н. Гумилев. Сущность этнической целостности, стр. 101—102; его же. Этнос — состояние или процесс?, стр. 90, 91.

²⁰ См., например, Т. А. Работнов. Консорция как структурная единица биоценоза. «Природа», 1974, № 2.

а значит, нестойки и недолговечны», столь же нелогично, как и утверждать, например, будто «соединение стекла и мела «огнеопасно», а потому может загореться». Огнеопасные соединения действительно горят, но нужно еще доказать, что данная смесь может быть действительно названа «огнеопасной».. Приводимые Л. Н. Гумилевым исторические и этнологические «примеры» не подтверждают его выводов.↳

Отсутствие в построениях Л. Н. Гумилева логических доказательств делает излишним опровержение каждой его исходной посылки, к тому же многие из них выходят далеко за рамки истории и этнографии.↳ Вряд ли целесообразно, в частности, рассматривать вопрос о биогенетических причинах появления «пассионариев» как людей с психическими отклонениями от нормы; в этом, вероятно, должны разобраться психопатологи. Так же, видимо, нецелесообразно подробно останавливаться на роли пассионарности в истории и этногенезе; отметим лишь, что в первобытную эпоху она, вероятно, не имела существенного значения. Людям с повышенной эмоциональностью, заставляющей их активно выступать против общепринятых и строго соблюдаемых соплеменниками будничных традиций и правил, не было места в обществе: их либо изгоняли из племени, либо просто убивали.↳ Вопрос о роли «пассионарных» героев в классовых формациях представляет определенный интерес, однако↳ историки-материалисты обращают больше внимания не на биографии «пассионарных» деятелей, а на закономерности общественного сознания и сдвиги в ходе исторического развития человечества, отдельных стран и народов, социальных классов и т. д.²¹.↳

↳ Исторический материализм признает социально-биологическую двойственность природы человека, но считает, что во всех формах общественной жизни определяющую роль играет социальное, а не биологическое «начало». Человек (*homo*) стал разумным (*sapiens*) лишь в ходе и в результате его социализации;↳ качественным рубежом этого процесса можно считать этап, когда удалось поставить под социальный контроль явно биологические по своей природе отношения полов в процессе размножения²².↳ Сапиентация каждого нового поколения возможна только в социальном окружении; умственный уровень современного ребенка, если он вырастет в волчьей стае, останется ниже, чем у неандертальца, выросшего среди подобных ему первобытных людей.↳ В целом процесс сапиентации и социализации, будучи отчасти подобен обнаруженным у животных явлениям «сигнальной наследственности», качественно отличается от них и управляется сложной системой социально-культурных институтов.

↳ Основу социальной жизни людей, всех их прямых и опосредованных связей и отношений, как установили К. Маркс и Ф. Энгельс, составляют производственные отношения.↳ Ф. Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно опять-таки бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий, с другой — производство самого человека, продолжение рода»²³. В первом случае отношения людей могут быть названы социально-экономическими, во втором — социально-биологическими, однако основные закономерности воспроизводства населения определяются опять-таки не биологическими, а социальными факторами²⁴. ◀

²¹ См. по этому вопросу сборник «История и психология». М. 1971.

²² Эта мысль Ф. Энгельса подробно рассмотрена в книге: Ю. И. Семенов. Возникновение человеческого общества. М. 1965.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 25—26.

²⁴ См. «Марксистско-ленинская теория народонаселения». М. 1974.

Знаменательно, что появление первых этнических общностей — племен было обусловлено необходимостью организации обоих этих видов производства. Выполнение первой задачи обеспечивалось общественным трудом в рамках племенной территории²⁵, второй — делением племени на два (или большее четное число) экзогамных родов, между членами которых заключались браки. Никакой «биологической» сущности в родоплеменном типе этнической общности, конечно, нет. Что же касается географических условий, то при низком уровне развития производительных сил они действительно оказывали существенное влияние на жизнь людей; они могли сильно замедлить или, напротив, ускорить развитие отдельных этнических общностей, однако сами по себе не определяли ни сущности этого вида общности, ни сущности этногенеза, например, повсеместно распространенных в ту эпоху процессов этнического деления, в результате которых появлялись все новые и новые племена.

В классовых формациях некоторые функции родоплеменных образований отмирают, заменяются другими, но прежняя связь этнических общностей с социально-экономическими сторонами жизни сохраняется. Эта связь четко проявилась на стадии формирования наций, при становлении капиталистического производства, когда наиболее благоприятные условия для такого производства обеспечивали именно национальные (языково-территориальные) рамки. В. И. Ленин указывал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму торгового оборота...»²⁶. В результате промышленной революции прежнее и без того не определяющее и, как правило, лишь косвенное влияние географических условий на ход общественного развития, на течение этнических (национальных) процессов еще более ослабевает.

Сказанное не следует понимать, конечно, в том смысле, будто бы развитие науки и техники уже предоставило человеку полную независимость от природы; современное бурное развитие экологии (в том числе экологии человека) как науки о закономерностях взаимоотношений организмов (популяций) и среды их обитания свидетельствует как раз о признании определенной зависимости человека от природы. В нашем случае речь идет о том, что экология не может и не должна определять социологию, что сущность общественных форм и основные закономерности их исторического развития не определяются географическими или биологическими факторами. В разных природно-географических зонах могут возникнуть государства, однотипные в социально-политическом отношении, могут сложиться однотипные этнические общности, например, нации, и, напротив, в однотипных природных условиях могут возникнуть и развиваться разные по своему характеру государственные, классовые или этнические общности.

В своей последней из разбираемых нами статей Л. Н. Гумилев заявляет, что его концепция этногенеза, этнической истории якобы «соответствует полностью» теории диалектического и исторического материализма²⁷. Для подтверждения своей мысли о том, что «стимулом развития

²⁵ См. Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1957.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 258.

²⁷ См. Л. Н. Гумилев. Внутренняя закономерность этногенеза, стр. 102.

цивилизации были не столько идеи или глубокие политические соображения, сколько алчность — эмоция, коренящаяся в сфере подсознательно-го»²⁸, он даже ссылается на Ф. Энгельса. Однако такие, мягко говоря, некорректные ссылки не могут ввести в заблуждение. Основопологающий вывод К. Маркса и Ф. Энгельса состоит в том, что в основе развития цивилизации и всего человеческого общества лежит диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений. Рассматривая этнические (в том числе национальные) проблемы, вопросы этнической истории и этнических отношений, классики марксизма-ленинизма подчеркивали их зависимость от социально-экономических факторов, их социальную, а не биологическую или биогеографическую природу. Оценивая роль субъективных (в том числе и психологических) факторов в истории, они связывали их с общественным сознанием, а через него опять-таки — с ведущими социально-экономическими факторами развития общества²⁹.

В целом развиваемые Л. Н. Гумилевым идеи не согласуются с историческим материализмом; многие из этих идей ведут к ошибочным выводам, усугубляемым тем, что они затрагивают очень щепетильную область, связанную с этническими отношениями и национальным вопросом, то есть с областью, которая является объектом постоянной и острой идеологической борьбы. Если племена, народности и нации отнесены Л. Н. Гумилевым к «явлениям природы», возникшим под воздействием мутационно обусловленных биопсихических сил, а этногенетические мутации приурочены к определенным ареалам земной поверхности, то в результате этого все народы, возникшие за пределами таких ареалов, оказываются как бы «незаконнорожденными». Поскольку процессы этногенеза фактически шли на всей территории ойкумены, то в положении «незаконнорожденных» оказывается большинство народов мира: в СССР к ним, по Л. Н. Гумилеву, должны быть отнесены, например, все народы Прибалтики, Поволжья, Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, на Индостанском полуострове — бенгалцы, ассамцы, бихарцы, ория, маратхи, телугу, тамилы и многие другие. Биологическое неравенство народов по происхождению дополняется их неравенством по стадиям развития от «рождения» до «смерти»; само собой понятно, что отношение Л. Н. Гумилева к этносам, находящимся в стадии биологического расцвета, иное, нежели к этносам, которые застыли в своем развитии, а тем более к этносам, обреченным, по Л. Н. Гумилеву, самой природой на вымирание.

Высокомерное отношение Л. Н. Гумилева к народам, сравнение их с лишайниками, муравьями, крокодилами и т. п., приписывание им явно отрицательных черт жизни (например, части — «детоубийство», остальным — «беспорядочное размножение») сочетается у него с пренебрежительным отношением к массе людей, составляющих этносы. Подавляющее большинство людей, по Л. Н. Гумилеву, это — «субпассионарии», которые сами не могут ни выжить, ни дать потомство, если нет других, особых в биопсихическом отношении людей — «пассионариев» типа Александра Македонского и Мухаммеда, Чингисхана и Наполеона, вокруг которых они группируются по принципу «комплиментарности», как домашние животные вокруг своего хозяина. Проф. М. И. Артамонов правильно подметил, что эта концепция снова возвращает нас к идеологически вредной теории героев и толпы³⁰, но, добавим, с той существенной разницей, что, если подобное неравенство людей обусловлено, по мнению Л. Н. Гумилева, действием биологических мутаций, то отсюда вытекает,

²⁸ Л. Н. Гумилев. О термине «этнос», стр. 7.

²⁹ См. по этому вопросу, например: Б. А. Чагин. Ленин о роли субъективного фактора в истории. Л. 1967.

³⁰ М. И. Артамонов. Снова «герои» и «толпа»? «Природа», 1971, № 2.

что оно не может быть изменено никакими социальными преобразованиями.

Столь же серьезные ошибки допускает Л. Н. Гумилев при характеристике взаимодействия этносов, или, иными словами, национальных отношений. Известно, что, изучая эту проблему, классики марксизма-ленинизма пришли к выводу, что острые национальные трения, этнические конфликты обусловлены в конечном счете конфликтами в экономической сфере, в области производственных отношений и что в результате социалистической революции и связанных с ней преобразований национальные отношения будут развиваться гармонично, на основе дружбы и сотрудничества народов, причем процесс сближения наций завершится в конечном счете их слиянием. При анализе национальных отношений классики марксизма-ленинизма всегда разграничивали отношения, инспирированные правящими классами, от естественно развивающихся отношений народных масс; В. И. Ленин, резко выступая, например, против ассимиляторской политики царизма, положительно оценивал естественную ассимиляцию, указывая, что она является одним «из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»³¹. Несомненно, положительное значение имеют процессы консолидации — объединения этносов в более крупные этнические общности; в советское время такие процессы наблюдались, например, в Средней Азии, где из родо-племенных и этнографических групп шло формирование туркменской, киргизской, узбекской наций. В результате распространения межэтнических браков, расширения культурно-языковых контактов и т. п. на базе экономического и политико-идеологического единства всех советских людей в СССР возникла новая историческая общность людей — советский народ.

Л. Н. Гумилев же утверждает, будто бы всякие гармонические контакты между этносами в принципе столь же невозможны, как контакты между биологически не совмещающимися организмами или между физическими полями «разного ритма», соединение которых ведет к «интерференции». Этот закон, по мнению Л. Н. Гумилева, «естественен», поэтому его не могут изменить никакие социальные революции. Естественная ассимиляция представляется ему своего рода злом, смешанные в этническом отношении браки, по его представлениям, дают неполноценное, нежизнеспособное в генетическом отношении потомство; «государство и другие общественные институты», созданные на базе межэтнических смешений, представляются «недолговечными» и т. д. и т. п. Приведенный в защиту этого положения пример хуннов, которые, покорив северных китайцев и смешавшись с ними, произвели слабое потомство, занимавшееся якобы «людоедством и предательством близких»³², — сомнителен и уж, во всяком случае, не типичен. Всегда и повсеместно распространенные этнические связи в подавляющем большинстве случаев давали положительные результаты. Почти все этносы мира имеют смешанное происхождение. Бразильцы, мексиканцы, кубинцы и многие другие жизнеспособные нации Америки возникли, как известно, в результате смешения этнических групп, разнящихся не только в языково-культурном, но и в расовом отношении. На территории СССР издавна развивались самые различные контакты как на уровне этнических групп, которые, по Л. Н. Гумилеву, относятся к рангу «суперэтносов» (главным образом между «славяно-православным» и «тюрко-мусульманским» суперэтносами), так и особенно на уровне этносов. За годы Советской власти положительные в своей основе процессы сближения и слияния этносов усилились; по переписи 1959 г., в СССР насчитывалось 5,2 млн. этнически смешанных семей (свыше 10% от общей численности семей), к 1970 г. число их возрос-

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 125.

³² Л. Н. Гумилев. Этнос — состояние или процесс?, стр. 91.

ло до 7,9 млн. человек (13,5% всех семей)»³³. Как ни странно, но Л. Н. Гумилев относит большинство таких браков к «неполноценным», и смешения людей различной национальности, таким образом, попадают соответственно в разряд «химер». Такими рассуждениями Л. Н. Гумилев, по существу, оправдывает национальную сегрегацию и евгенические законы о запрещении национально-смешанных браков, как это делают наиболее реакционные националистические и расистские партии буржуазного общества.

Своей концепцией этнической истории Л. Н. Гумилев, по существу, оправдывает жестокие завоевания и кровопролитные межэтнические конфликты. В чем же виноваты Чингисхан, Наполеон или Гитлер и, главное, при чем тут феодальный или капиталистический строй, если «пассионарная» активность таких «героев» была вызвана биологическими мутациями, а сами они и поддерживавшие их группы, проводя завоевательные войны, следовали лишь биогеографическим законам развития монгольского, французского или германского этносов? Происходят мутации, возникают «пассионарии», имеющие в своем подсознании отклонения от нормы, а «лучший выход при избытке пассионарности, — как пишет Л. Н. Гумилев, — расширение ареала»³⁴. Вызванная борьбой за это расширение гибель миллионов людей должна быть объяснена, по Л. Н. Гумилеву, «биологической несовместимостью» завоевателей и завоеванных; к тому же основную массу последних составляли «субпассионарии», якобы обреченные природой на вымирание. В своих статьях Л. Н. Гумилев неоднократно подчеркивает «естественно-стихийный» характер межэтнических конфликтов, их независимость от социально-классового строя общества. Рисую историю таких конфликтов на Американском континенте, он, например, пишет: «Истребление индейцев, работорговля, расправа с франкоиндейскими метисами в Канаде... все эти события совершались неорганизованно и стихийно. Правительства США и Канады затем просто санкционировали совершавшиеся факты и извлекали из них выгоду»³⁵. Комментарии к таким «выводам», как говорится, излишни.

Выше уже отмечалось, что концепция Л. Н. Гумилева носит не только глобально-этнический, но и более широкий — глобальный социально-исторический характер. За пределы собственно этнической тематики Л. Н. Гумилев выходит неоднократно — то при сопоставлении этнической и социально-классовой структуры общества, то при характеристике основных исторических этапов этнического развития. Игнорирование им социально-классовых моментов в этнических отношениях, видимо, вызвано тем, что классовое «состояние» представляется ему по сравнению с этническим (то есть, как он полагает, биогеографическим) крайне неустойчивым. «Воин, попавший в плен, — пишет Л. Н. Гумилев, — становился рабом, а сбежав, мог превратиться в феодала»³⁶. Такой единичный случай ничего, конечно, не доказывает; в действительности общественные классы являются устойчивыми социальными группами, со своей особой идеологией и т. п. Тем не менее именно представление о неустойчивости социально-классовой структуры ведет Л. Н. Гумилева к мысли об определяющей роли этнических (то есть в его понимании в конечном счете биогеографических) факторов в жизни общества. Выше уже приводилось его высказывание о том, что «экзогамность» (то есть брачное смешение) этносов неизбежно влечет за собой неустойчивость созданных на их основе государственных и других социальных форм. В другом месте,

³³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII. Миграция населения, число и состав семей в СССР. М. 1974, стр. 272.

³⁴ Л. Н. Гумилев. О соотношении природы и общества., стр. 46.

³⁵ Л. Н. Гумилев. Этногенез в аспекте географии, стр. 89.

³⁶ Л. Н. Гумилев. Этнос — состояние или процесс?, стр. 87.

характеризуя этносы, вышедшие за рамки отведенных им географических ареалов, Л. Н. Гумилев пишет: «Такие системы весьма продуктивны в смысле экономики благодаря разделению труда и специализации; у них неплохая сопротивляемость этническому окружению..., но внутренний пассионарный толчок, как правило, опрокидывает их с потрясающей легкостью»³⁷.

В последней из своих статей Л. Н. Гумилев дает схему социальной жизни на различных стадиях исторического развития этноса «от зарождения реликтовой фазы, пользуясь однозначным мерилom: императивом коллектива по отношению к отдельной особи». По этой схеме фаза становления этноса требует от вновь образовавшегося коллектива предельной слаженности и мобилизации по формуле «будь тем, кем ты должен быть». Король или хан должен вести себя как властелин, воин — как воин, раб — как раб. В дальнейшем этот императив сменяется формулой «будь самим собой», затем формулой «будь таким, как я», позже — «будь таким, как мы» и, наконец, в реликтовой фазе — «будь сам собой доволен»³⁸. Данная схема явно грешит надуманностью. Но дело даже не в этом, а в том, что если следовать Л. Н. Гумилеву, то выходит, что возникший под действием биопсихических сил этнический коллектив, подчиняясь биогеографическим законам своего развития, диктует входящим в него людям или классово-социальным группам правила поведения, заставляет, например, во имя этого этнического развития раба оставаться рабом, крепостного — крепостным и т. д. Революция и даже просто социальный протест против классового гнета, нарушающие схему биогеографической эволюции, выглядят при этом противоестественными, противными «законам природы».

Завершая характеристику этой стороны концепции Л. Н. Гумилева, целесообразно хотя бы вкратце изложить его представление о развитии Западной Европы в средние века. Некоторые вопросы средневековой истории, и прежде всего проблема генезиса феодализма, продолжают изучаться советскими историками, но, кажется, никто уже не спорит о том, что феодализм возник здесь как результат действия процесса распада античного рабовладельческого строя и процесса разложения общинного строя у германских и других племен. По Л. Н. Гумилеву же, все зависело от эволюции «пассионарных» сил. «В VIII веке... — пишет он, — Западная Европа переживала глубокий упадок... Арабы дошли до Луары; авары простерли набеги до Рейна, и лопари оттеснили скандинавов на юг полуострова. Хозяйственная система, унаследованная от Рима, пришла в полный упадок, так что на территории Франции восстановился девственный лес. Последнее указывает на исключительное снижение пассионарности, так как самый консервативный класс — крестьяне снизили интенсивность обработки земли до минимума, позволявшего только что не умереть с голоду. Короли даже в то время получили прозвище «ленивых»... Неотвратимый упадок пассионарности влек за собой распад культуры, экономики, политической власти. Но в IX в. положение изменилось радикально. Произошли «феодалная революция» и движение викингов... Викинги не обладали особой храбростью, но скрывали боязнь битвы, наедаясь опьяняющими мухоморами. В опьянении они были неукротимы, но ведь другие бросались в атаку трезвыми. Иными словами, викинги были людьми несколько отличного от прочих склада. Они обладали пассионарностью. Естественно, что мало пассионарные норвежцы предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Зато скандинавские пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обитателей защищаться... Тогда от

³⁷ Л. Н. Гумилев. Внутренняя закономерность этногенеза, стр. 97.

³⁸ Там же, стр. 99.

дельные инициативные военачальники возглавили тех, кто хотел и мог обороняться, например, Эд, граф Парижа. Население предпочло иметь энергичных правителей и отказало законным монархам в покорности. Феодалы захватили власть в Европе...»³⁹. Ссылка при решении проблем генезиса феодализма на мухоморы, которыми викинги подкрепляли свою «пассионарность», может, конечно, вызвать у историков улыбку, но в целом такое изложение истории раннесредневековой Западной Европы не выдерживает никакой критики.

Склонность к географическому детерминизму проступала еще в работах Л. Н. Гумилева по кочевым обществам, основные этапы истории которых объяснялись изменениями климата⁴⁰. Обращение его в последние годы к проблемам этнической истории привело к разработке биолого-географической концепции, методологические изъяны которой лишь частично скрыты за внешне яркими, хотя и не всегда относящимися к теме историческими картинками из жизни китайцев под властью хунну, деятельности «пассионарного» Мухаммеда и «непассионарного» Михаила Романова и т. д. и т. п. Статьи Л. Н. Гумилева охотно перепечатываются в буржуазной прессе⁴¹, что создает превратное представление о взглядах советских ученых в области этнической истории. Перед советскими учеными — историками и этнографами — стоят важные научные проблемы, часть из которых находится на стыке с географией, экологией и психологией. Концепция же Л. Н. Гумилева не только не продвигает вперед исследование проблем, связанных с изучением конкретного влияния географической среды на социально-экономическое развитие тех или иных стран и народов мира и оценкой конкретной роли социально-психологических факторов общественного развития, но и мешает их подлинно научному решению.

³⁹ Л. Н. Гумилев. Этнология и историческая география, стр. 77.

⁴⁰ См. Л. Н. Гумилев. Хунну. М. 1949; его же. Открытие Хазарии. М. 1966, и др.

⁴¹ См., например, американский журнал «Soviet Geography. Rev. and Transl.», 1973, №№ 5, 6, etc.